

RU

Лингвокогнитивный анализ прагматического потенциала метафоры в аргументации политического дискурса (на примере выступлений лидеров политической и экономической сферы России и США)

Нартикова З. А.

Аннотация. Цель исследования - рассмотреть аргументацию в политическом дискурсе с точки зрения когнитивной лингвистики, описать прагматическую основу метафорических аргументативных конструкций, применяемых для переконцептуализации картины мира адресата и моделирования его ментальных установок. Научная новизна работы определяется целостным подходом к изучению аргументации путем объединения эвристик различных областей знаний. Впервые прагматический потенциал метафоры рассматривается как речевоздействующий инструмент в аргументативной конструкции в политической коммуникации на основе когнитивной связи. В результате доказано, что метафора является конструктивным средством для реализации убеждающего и воздействующего компонента в аргументативной структуре политического дискурса. Исследование раскрывает механизм создания ассоциативных связей в ментальном пространстве, благодаря чему аргументы выстраиваются в виде схем-образов и задают вектор когнитивных процессов. Лингвокультурное сопоставление метафорической аргументации российской и американской политической коммуникации выявило, что кросс-культурный политический дискурс стремится к универсальности метафор, тогда как внутри-политический дискурс изобилует национально-специфическими метафорическими образами.

EN

Pragmatic Potential of Metaphor in Argumentative Political Discourse: Linguo-Cognitive Analysis (by the Example of the American and Russian Political and Business Leaders' Speeches)

Nartikova Z. A.

Abstract. The research objectives are as follows: to analyse argumentation in political discourse from the viewpoint of cognitive linguistics, to identify the pragmatic potential of the metaphorical argumentative constructions used to re-conceptualize an addressee's worldview and to modify their mental attitudes. Scientific originality of the paper involves a comprehensive interdisciplinary approach to studying argumentation. The pragmatic potential of the cognitive metaphor is for the first time considered as a means of verbal influence in argumentative political discourse. The research findings are as follows: the author proves that metaphor is an efficient means of persuasiveness realization in argumentative political discourse. The researcher reveals an associative mechanism in which arguments are represented as schemes-images and determine the vector of cognitive processes. A linguo-cultural analysis of metaphorical argumentation in the Russian and American political discourse allows concluding that cross-cultural political discourse basically contains universal metaphors, whereas domestic political discourse is full of nationally specific metaphorical images.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что работа выполнена в междисциплинарном ключе и рассматривает политическую аргументацию в синтезе с когнитивной лингвистикой и политической метафорологией, которые являются перспективными направлениями современной лингвистики.

В статье выявлены основы когнитивно-прагматической интерпретации особенностей функционирования метафор и метафорических моделей в аргументативном политическом дискурсе. Проведенный сравнительно-

сопоставительный анализ объясняет зависимость употребления тех или иных метафор от лингвокультурологической принадлежности оратора и способствует расширению знаний о когнитивных механизмах языка политики и общих закономерностях речемыслительной деятельности человека. Исследование проводилось на материале выступлений российских и американских политических лидеров, посвященных внешнеполитическим и экономическим отношениям в период с 2016 г. по 2020 г., что подтверждает значимость работы для современного языкознания.

Вопросы аргументации приобретают возрастающую значимость в условиях глобализации и экономической интеграции, и заложенный прагматический потенциал метафор детерминирует аргументативно-мыслительную деятельность адресата, что и является коммуникативной целью политического высказывания. Стоит отметить и то, что выбранная сфера – это сфера высокого иерархического уровня, и важность выбора языковых единиц неоспорима ввиду сложности и серьезности самого феномена политического дискурса.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть реализацию прагматического эффекта в политической речи как цель аргументации; во-вторых, проследить функционирование метафор в составе аргументативных конструкций и выявить их иррациональную когнитивно-прагматическую основу; в-третьих, выявить связь между метафорической концептуализацией и лингвокультурной отнесенностью в российском и американском политическом дискурсах.

В исследовании используются следующие методы исследования: лингвокогнитивный и прагмалингвистический анализ, описательно-сопоставительный анализ с учетом лингвокультурологической характеристики исследуемых языковых явлений, методы контент-анализа и дискурс-анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды таких российских лингвистов, как А. Н. Баранов [4; 5], А. П. Алексеев [1; 2], А. В. Грицкова [12], В. С. Григорьева [11], Т. В. Анисимова [3], А. П. Чудинов [22-24], Э. В. Будаев [8; 9; 24], М. Р. Желтухина [14], Т. Г. Скребцова [20], А. А. Кибрик [16], Е. И. Шейгал [25], а также зарубежных исследователей (Ф. Х. ван Еемеерен и Р. Гроотендорст [13], Дж. Лакофф [17; 47], М. Джонсон [17], П. Чилтон [27], Дж. Чартерис-Блэк [26]). Перечисленные авторы внесли большой вклад в теорию аргументации, теорию политической метафорологии и когнитивную лингвистику.

Практическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты могут способствовать дальнейшему развитию комплексного подхода к изучению вопросов лингвистики в русле аргументалистики, когнитивистики и политической метафорологии. Результаты данного исследования могут быть использованы для построения аргументативного текста в сфере политики, бизнеса, юриспруденции, рекламы.

Развитие тесных политических, экономических и культурных связей, сужающееся коммуникативное пространство, а также доступность информации в любой точке мира повышают значимость знаний о политическом дискурсе и механизмах формирования успешной аргументации. В условиях борьбы за влияние и возможности экономического роста лидеры стран на встречах мирового политического сообщества пытаются не только завоевать доверие и получить поддержку в политической игре, но и наладить связь с крупнейшими представителями бизнеса и привлечь инвестиции в свою страну. Политическая коммуникация – это стратегический процесс: от того, как говорящий преподнесет свою речь, может зависеть дальнейшая судьба страны, и потому тщательный отбор языковых средств играет важную роль для ораторов.

Интенциональная база политического дискурса – это борьба за власть [25, с. 26] и сферу влияния, тем очевиднее причины, по которым вопросы языка политики привлекают все большее число специалистов, изучающих разные грани языка политики: риторическую составляющую, психоэмоциональный фактор, лингвокультурологический и когнитивный аспекты.

Аргументация является базовым конструктивным элементом политического дискурса, через который реализуются коммуникативно-прагматические цели политиков, а именно: доказательство выдвигаемого тезиса, убеждение собеседника в истине и побуждение к действиям. Для данной сферы социальной коммуникации компонент воздействия особенно характерен, поскольку здесь речь идет о формировании отношений как на внешнеполитической арене, так и внутри страны. В своих выступлениях политические деятели прибегают к использованию различных языковых средств, в том числе и тропов, среди которых метафора оказывает самое сильное суггестивное воздействие.

В данной статье аргументация рассматривается с точки зрения теории речевого воздействия – как инструмент социальной власти и влияния, основывающийся на лингвопрагматическом и лингвокогнитивном моделировании действительности, опирающемся на «стандартные сценарии, актуализируемые в речи политиков для манипуляции общественным сознанием» [8, с. 42].

История изучения аргументации в рамках логики, философии и риторики уходит корнями в древность, во времена Аристотеля, однако языковой аспект аргументации стал предметом изучения относительно недавно (Г. Джонстон (1959), С. Тулмин (1959), Франц-Берингер (1965), Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Титека (1970), Б. В. Брокриди (1975), Г. Грайс (1985) и др.).

Прагма-диалектический подход к анализу аргументативного диалога был впервые рассмотрен в совместной работе ученых амстердамского университета Ф. Х. ван Еемеерена и Р. Гроотендорста, которая вышла под названием «Речевые акты в аргументативных дискуссиях». По определению авторов, «аргументация – это речевой акт, состоящий из ряда высказываний, которые предназначены для того, чтобы обосновать или опровергнуть выраженное мнение, и направлены на то, чтобы убедить рационального судью в правильности определенной точки зрения, в приемлемости или неприемлемости этого выраженного мнения» [13, с. 24].

Последнее десятилетие XX века было ознаменовано бурным развитием этой области языкознания. Вопросы аргументации оказались под пристальным вниманием таких исследователей, как А. Н. Баранов (1990), А. П. Алексеев (1991), Г. А. Брутян (1992), Е. Н. Белова (1995), Ю. В. Рождественский (1997), Т. В. Губаева (1995), Е. В. Ключев (1999), Н. Н. Ивакина (1999), Н. Ю. Фанян (2000), Н. А. Ощепкова (2000), Л. В. Правикова (2004), В. В. Киселева (2006), А. В. Грицкова (2002), В. С. Григорьева (2007), Е. Н. Лисанюк (2015) и др. Это позволило расширить взгляд на предмет и проследить когнитивные связи и ментальные процессы, на которых строится аргументация.

В данном исследовании мы будем придерживаться определения, согласно которому аргументация – это социальная, вербальная, интеллектуальная деятельность, направленная на оправдание или опровержение точки зрения, представленной системой утверждений, направленных на достижение одобрения у определенной аудитории [1, с. 15], коммуникативный процесс, служащий обоснованию определенной точки зрения с целью ее восприятия, понимания и (или) принятия индивидуальным или коллективным реципиентом [35].

Аргументация также рассматривается как «способ речевого воздействия на адресата с помощью тезисов и аргументов, в результате которых в модель мира адресата вводятся новые знания с целью непосредственного влияния на процесс принятия тех или иных решений» [5, с. 250].

Каждый коммуникативный акт предусматривает определенную цель, и аргументация выстраивается согласно плану достижения этой цели. Как указывал А. Н. Баранов, когнитивное содержание аргументации – это «интеграция знания в модель мира адресата с целью влияния на процесс принятия решений» [4, с. 37]. Чаще всего аргументация обращается к ценностным аргументам, к образным представлениям, и это отражено в схемах метафорического аргументирования.

В. И. Карасик в своем исследовании писал: «Практически в любом речевом действии мы сталкиваемся с воздействием, даже если сообщаем о чем-то или выражаем эмоции. Но существует тип речевых актов, для которых воздействие на партнера является ведущей характеристикой» [15, с. 49]. Именно политическая коммуникация содержит наибольшее количество речевых актов такого типа.

Основные задачи воздействия реализуются с помощью различных форм аргументации. Т. В. Анисимова в своем исследовании выделяет три ключевые формы: доказательство, внушение и убеждение. Доказательство относится к разделу логики и подразумевает «совокупность логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений» [3, с. 64]. Тем самым задача доказательства – развеять сомнения в правильности выдвинутого тезиса. Внушение подразумевает навязывание готового мнения адресату путем воздействия на подсознание и является понятием психологической науки. Убеждение объединяет элементы как доказательства, так и внушения, предполагая наличие рациональных и эмоциональных аргументов [3]. Убеждение, таким образом, является речевой стратегией аргументативного дискурса, основной целью политического дискурса и стремится к переконцептуализации, модифицированию «картины мира» собеседника или аудитории. Метафора гармонично вплетается в речь, накладывая на рациональные факты элементы эмоционального иррационального воздействия, тем самым становясь действенным аргументом в речи, это объясняет изобилие легко воспринимаемых метафор в политической речи.

Процессы глобализации ускоряют расширение арсенала возможностей воздействия на сознание, моделирования ментальных процессов и даже манипулирования. Это ориентирует исследователей на поиск корреляций между когнитивными процессами и языковыми структурами в аргументации. Когнитивно-прагматический анализ метафорической аргументации в политическом дискурсе раскрывает связь между речью и мышлением, между языком и когнитивными структурами человеческого сознания и объясняет употребление тех или иных конструкций для формирования более эффективного аргументативного акта.

С позиции когнитивного подхода процесс метафоризации включает в себя кодирование сообщения говорящим в соответствии с его представлениями о мире, с его интеллектуальной базой и эмоциональным состоянием, а также процесс декодирования сообщения слушателем в преломлении его картины мира и общего когнитивного уровня развития.

Основы когнитивного подхода к изучению метафоры были изложены в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона под названием «Метафоры, которыми мы живем» (“Metaphors we live by”), изданной в 1980 г., но переведенной на русский язык только в 2004 г. [17]. Механизм реализации способов воздействия тропов на сознание и подсознание адресата рассматривался подробнее в рамках теории речевого воздействия, когнитивной лингвистики и политической метафорологии в работах А. П. Чудинова, М. Р. Желтухиной, Э. В. Будаева, Т. Г. Скребцовой и др.

Воздействующая сила метафоры обусловлена тем, что наша повседневная жизнь пронизана метафорами, мы думаем картинками, особенно в настоящее время – в век технического развития СМИ и социальных сетей, ориентирующих на восприятие информации в виде картин и образов. В современной действительности для разных видов дискурса характерна общая метафоризация человеческого сознания, которая применяется для упрощения и более легкого восприятия текста и речи.

Метафора функционирует по принципу семантического замещения по сходству и подобию, формирует новое восприятие и меняет установки по отношению к конкретной ситуации и к миру в целом по аналогии с уже имеющейся ментальной моделью мира, на основании устоявшихся убеждений и ценностей. Свойства, характерные для источника, переносятся в скрытой форме на область новой цели, меняют в определенной степени структуру понятия и упрощают процесс познания мира.

Согласно А. П. Чудинову, особенность метафоры – это «постоянное балансирование между сказанным и несказанным, между прямым и метафорическим смыслом, в сохранении ассоциативного потенциала сферы-источника при использовании метафоры для характеристики объектов в сфере-мишени» [23, с. 15].

В концептуальных метафорах отражаются история и культура общества, его ценности, символы и идеология, это и становится строительным материалом для новых когнитивных связей, сознательных или подсознательных, поскольку происходит «метафорическое приспособление старых слов к выполнению новых функций» [21, с. 2].

Наличие национально-культурной коннотации у части метафор говорит о неразрывной связи истории, культуры и языка. «Наиболее фундаментальные культурные ценности согласуются с метафорической структурой основных концептов этой культуры» [17, с. 48].

Метафора – это квинтэссенция народной мудрости, которая отражает традиционно сложившуюся социальную закономерность и упорядочивает алгоритм рефлексивной ментальной реакции на нее. Это говорит о том, что в одной культуре характерная для нее метафора может быть понятна и уместна, тогда как для другой культуры она может оказаться неоднозначной или вовсе неприемлемой.

Однако большинство метафор универсальны и воспринимаются примерно одинаково во всех культурах, поскольку основаны на общем опыте человеческого сознания. В политическом дискурсе прагматический потенциал и тех и других метафор намеренно используется для переконцептуализации картины мира слушателя и моделирования ментальных установок согласно интенциям автора. При этом в зависимости от масштаба мероприятия и целей оратора выбираются наиболее действенные для аргументирования перед конкретной аудиторией метафорические ресурсы.

Как правило, самые удачные метафорические высказывания политиков подхватываются журналистами и мгновенно распространяются по всем СМИ, что служит закреплению прагматического эффекта метафоры, а также продлевает во времени ее воздействие на подсознательном уровне. Более подробное описание этого алгоритма требует привлечения исследований в области нейрофизиологии и психологии.

Метафорическое мышление помогает не только проводить аналогии и изучать мир, но и понимать самих себя и свою роль в жизненном пространстве. Оно способствует более эффективной коммуникации и креативному подходу к реалиям. Стоит отметить и запоминаемость метафоры, она, как картина, отчетливо остается в сознании, и при последующей встрече с этой же метафорой уже не требуется сложной обработки, выдаются картинка и отношение к ситуации через ту самую, сложившуюся когда-то, призму. Чем чаще нам встречается конкретная метафора, тем легче и быстрее она воспринимается нами, не проходя проверку сознанием на предмет «доверия».

В своей книге «Политическая наука» К. С. Гаджиев приводит цитату Р. Прайса, одного из помощников 37-го президента США Р. Никсона: «Мы должны иметь полную ясность в одном: избиратель реагирует на образ, а не на человека. Значение имеет не то, что есть, а то, что проецируется, и... не столько то, что проецируется, сколько то, что избиратель воспринимает. Поэтому мы должны менять не человека, а производимое им впечатление» [10, с. 357].

Если рассматривать это высказывание применительно к речи политика, то очевидным становится тот факт, что образы, через которые говорящий аргументирует свою позицию, складывают необходимое впечатление и реализуют элемент регулирования и манипулирования сознанием.

Предложенную концепцию о метафорической аргументации мы попытались доказать на примере метафор, занимающих центральное место в осмыслении внешней политики в современном российском и американском политическом дискурсе. Для анализа были выбраны тексты выступлений политиков на встречах мирового масштаба, посвященных решению вопросов экономической интеграции и совершенствованию стратегического партнерства. Основную аудиторию составляют главы государств и политические лидеры, руководители крупнейших компаний.

Наиболее часто употребляемыми на таких встречах оказались метафоры из сфер-источников «инженерия», «спорт», «игра», «этика», «война», «дорожное движение», «природа».

Фрейм «инженерия»

Говоря о процессах глобализации и поисках взаимовыгодного торгового сотрудничества, политики часто приводят артефактные метафоры, связывающие политическую действительность с предметами, созданными руками человека. Примером тому являются метафоры из сферы-источника «инженерия». Во время выступления на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) в 2019 году президент России В. В. Путин выразил мнение о глобальном росте следующим образом:

«*Механизм* глобального роста *начинает давать сбои*» [31].

Президент умело развернул целую метафорическую модель вокруг этого вопроса для создания более наглядной картины:

«По сути, глобальная торговля перестала быть безусловным *двигателем* мировой экономики. А новый *двигатель*, роль которого должны были сыграть суперсовременные технологии, пока ещё *проходит отладку* и *не заработал на полную мощность*» [Там же].

Данный отрывок текста в композиционном плане представляет собой прогрессивную аргументацию, поскольку сначала изложен тезис, раскрывающий коммуникативное намерение оратора, и только потом следуют аргументы в подчинительной связи.

В толковом словаре С. И. Ожегова приводится следующее значение слова «механизм»: «внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие». Переносное значение слова «механизм» определяется автором как «система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности» [46]. «Двигатель» – это «машина, преобразующая какой-нибудь вид энергии в механическую работу». В переносном же смысле это слово обозначает «силу, содействующую росту, развитию в какой-нибудь области» [Там же].

Как мы видим, изначально эти слова были присущи для сферы инженерии, но позже стали употребляться метафорически, а их переносное значение стало фиксироваться в словарях наряду с основным. Многие подобные метафоры считаются стертыми в силу своей высокой употребимости и легкости восприятия, однако их когнитивный потенциал приобретает значимость в составе аргументативной конструкции.

Современные тенденции политической речи ориентируются на принцип доступности и ясности для аудитории: глобальный рост осмысливается руководителем страны в понятиях инженерно-технической деятельности, поскольку базовые принципы работы механизма или двигателя знакомы каждому, слушатель легко усваивает информацию и оправдывает последующий алгоритм действий власти, которые необходимо принять для «отладки системы».

Метафора из подобной сферы часто употребляется и американским президентом. На международном экономическом форуме в Давосе Д. Трамп назвал ВТО машиной, которая позволила Китаю поднять свой уровень экономического развития на нынешний уровень:

“The World Trade Organization’s been very unfair to the United States for many, many years, and without it, China wouldn’t be China. China wouldn’t be where they are right now. That was the **vehicle** that they used, and I give them great credit, and I also don’t give the people that were in my position great credit because, frankly, they let that all happen, but the **vehicle** was the World Trade Organization” [56]. / Всемирная торговая организация была несправедлива к Соединенным Штатам Америки в течение многих лет, и без нее Китай не был бы Китаем. Китай не был бы на том уровне, на котором находится сейчас. Они использовали «машину», и я отдаю им должное. Но я не одобряю действия тех, кто был в моем положении, потому что, если честно, то они это допустили. Этой машиной была Всемирная торговая организация (здесь и далее перевод автора статьи. – З. Н.).

В данном отрывке текста аргументация построена прогрессивно, поскольку вначале выдвигается тезис о несправедливости ВТО к США. Для обоснования этого тезиса приводятся аргументы к общечеловеческим ценностям, используется условное наклонение, отражающее возможные варианты развития событий, а также приводится метафорическое осмысление ВТО через понятие vehicle, у которого, помимо основного значения (a machine, usually with wheels and an engine, used for transporting people or goods on land, especially on roads), в кембриджском словаре есть и переносное: “a way of achieving, producing or expressing something” – «способ достижения, производства или выражения чего-либо» [39].

С помощью метафоры “vehicle” в одном ряду с другими аргументами президент США создает яркий контраст темпов роста экономики Китая и США, приписывая вину пренебрежительному отношению ВТО к своей стране и несправедливой поддержке КНР в противовес. Таким образом, реализуется воздействующий компонент аргументации, нацеленный на убеждение аудитории в выраженном мнении и на поиск единомышленников.

Относительно финансовой нестабильности “vehicle” оказывается удобной метафорой и в устах американского финансиста, Р. Далио, основателя инвестиционной компании Bridgewater Associates:

“When interest rates are not effective and quantitative policy is not effective such as that which we have now – they will be less effective – then currency weakness is the common **vehicle** for stimulating an economy” [51]. / Когда процентные ставки неэффективны и политика количественного смягчения неэффективна, как мы это наблюдаем сейчас, – и они будут менее эффективны в дальнейшем, – тогда ослабление валюты является общепринятым способом стимулирования экономики.

Как и в предыдущем примере, в речи Р. Далио актуализируется переносное значение существительного “vehicle”, с помощью которого ослабление валюты осмысливается как способ, инструмент стимулирования экономики. Применив такой метафорический аргумент, автор упростил разъяснение сложной экономической ситуации, отметил закономерность в последовательности этапов развития экономики и обнадежил возможностью выхода из кризиса.

В последние десятилетия цифровой прогресс и научно-технические инновации вносят свой вклад в формирование метафорического осмысления действительности через понятия, знакомые современному человеку из обихода. Российский президент так охарактеризовал роль мировой экономики в процессе глобализации:

«Главным **драйвером** сложившейся модели глобализации выступила мировая торговля» [31].

Метафора «драйвер» присутствует в тезисе аргументативной конструкции и служит достижению ясности и доступности. Заимствованное из английского языка слово «драйвер», помимо основных значений «водитель» и «компьютерное программное обеспечение», в кембриджском словаре имеет следующее толкование: “something that makes other things progress, develop, or grow stronger” [39] – «что-то, что заставляет другие вещи совершенствоваться, развиваться, становиться сильнее». В российских словарях последнее значение не распространено, однако оно заняло свое место в отечественной политической коммуникации.

В данном примере аналогической аргументации коммуникативное намерение автора – объяснить значимость роли мировой торговли и доказать оправданность усилий, нацеленных на развитие стратегического партнерства, – достигается путем апелляции к базовым концептам технической сферы.

Однако стоит отметить и то, что в выступлении В. В. Путина глобальная торговля сначала перестала быть «**двигателем**», а затем стала «**главным драйвером**». Это подтверждает тот факт, что одна и та же метафора

может применяться в выгодном для оратора ключе, и производимое ею воздействие будет принимать заданный аргументативный вектор в зависимости от интенции автора.

Фреймы «этика» и «война»

Стремление к технологическому прорыву рождает в речи аналогию с войной, только уже в применении к отношениям между «цифровыми» конкурентами:

«Вызывает озабоченность, что такая разрушительная практика *поразила* не только традиционные рынки, энергетические, сырьевые, товарные, но и *перекочевала* в новые формирующиеся отрасли. Ситуация вокруг компании Huawei, например, которую пытаются не просто *потеснить*, а *бесцеремонно вытолкнуть с глобального рынка*, – это уже называют даже в некоторых кругах первой *технологической войной*, наступающей в *цифровой эпохе*», – заявил В. Путин на очередном экономическом форуме [31].

Наиболее важную роль в этой модели играет метафора «бесцеремонно вытолкнуть» – не соблюдая этикета и условностей, принятых в обществе, «выбросить толчком, удалить» [28], что с прагматической точки зрения является апелляцией к морально-нравственным ценностям. Переплетаясь с эмотивно-оценочными компонентами всей аргументативной конструкции, этот оборот служит созданию убеждающего текста и на основе имеющихся когнитивных установок формирует отношение к ситуации вокруг китайского технологического гиганта, навешивая ярлыки на участников торгового процесса.

Фрейм «насилие»

Излюбленная метафорическая модель вокруг политических событий, о которой говорил еще Дж. Лакофф в «сказке о справедливой войне» [47], и поныне является актуальной в моделировании представлений о внешне-неполитических отношениях. Статусно-ролевая характеристика участников глобальных политических процессов напоминает схемы построения отношений между людьми, описанных в транзактном анализе в психологии.

Если с точки зрения России Китай предстает в роли «жертвы» несправедливости, а США – в качестве «обидчика», то по ту сторону океана думают совсем иначе, заявляя с президентской трибуны: “*We can’t allow China to rape our country, and that’s what they’re doing*” [40]. / Мы не можем позволить Китаю насилловать нашу страну, именно это они и делают.

В Кембриджском словаре приводится следующее толкование слова “rape”: “to force someone to have sex when they are unwilling, using violence or threatening behavior” [39] – «принуждать кого-то к половому акту против воли, применяя жестокость и угрозу».

Эта грубая и жесткая метафора приводит в действие когнитивные установки, предусматривающие негативное отношение к насилию и агрессию к преступнику. Взгляд на действия Китая сквозь призму такой метафоры с заданной эмотивной оценкой запускает процесс настройки социального сознания и формирует в обществе образ КНР как абыюзера.

Примечательна еще одна метафора Д. Трампа, которая прозвучала в ходе предвыборной кампании в апреле 2016 года:

“It’s time to *shake the rust off* America’s foreign policy” [53]. / Пора стряхнуть ржавчину с американской внешней политики.

В словаре дается следующее толкование слова “rust”: “a reddish-brown substance that forms on the surface of iron and steel as a result of reacting with air and water” [39] – «красно-бурый налет, который образуется на поверхности железа и стали в результате реакции с воздухом и водой», а “shake off” определяется как “to get rid of something bad” [ibidem] – «избавиться от чего-то ненужного, отделаться». Более употребимое выражение в английском языке “shake the dust off something”, но, заменяя dust на rust, американский президент указывает на сложность предприятия и на значительный временной ресурс, требующийся для этого, поскольку ржавчина въедается глубоко в поверхность и простым стряхиванием от нее невозможно избавиться. Такой метафорический оборот в речи американского президента основан на эффекте эмоциональной активации и является аргументом к решительности и серьезности намерений.

Касаясь темы упомянутой предвыборной гонки в США, вспомним метафору Х. Клинтон, которую ей так и не простили, несмотря на последовавшие с ее стороны извинения:

“You could put half of Trump supporters into what I call *the basket of deplorables*” [48]. / Половину сторонников Трампа я бы отнесла к тому, что я называю кучкой неудачников.

Словарное значение “deplorable” – “deserving censure or contempt, causing or being a subject for grief or regret, reproach, or disapproval” [52] – «заслуживающий порицания и презрения, являющийся причиной или предметом сожаления, позора или осуждения». Усиливая риторический эффект употреблением существительного во множественном числе, автор создает нелестный собирательный образ приверженцев Д. Трампа.

Возможно, такая метафора наряду с остальными неосторожными аналогиями послужила аргументом к обоснованию посылки о негативном отношении к сторонникам оппонента и лишила Хиллари Клинтон той самой недостающей части голосов. Результат воздействия такого оборота на принятие решения очевиден: избиратель свой голос прибережет для кого-нибудь более заинтересованного в жизни и процветании простых людей.

Фреймы «спорт» и «игра»

Политическая аргументация отличается высокой плотностью метафор из сфер-источников «спорт» и «игра». Эти метафоры подробнее рассматривались А. П. Чудиновым, Т. Г. Скребцовой, Э. В. Будаевым, М. Р. Желтухиной в публикациях разных лет.

Игра проецируется на политические события, а участники политических процессов представляются игроками. К примеру, присутствие представителей сильнейших экономических держав в Пекине на встрече участников инфраструктурной инициативы «Один пояс, один путь» в 2019 г. президент России обозначил так:

«**Приехали все значимые игроки в мире.** Евросоюз был представлен на разном уровне, разными странами, но были практически все ведущие страны Евросоюза» [31].

Игрок – это участник игры. В разных словарях значение слова «игра» отличается, но наиболее релевантными являются следующие определения: «разновидность физической и интеллектуальной деятельности, лишенная прямой практической целесообразности и представляющая индивиду возможность самореализации, выходящей за рамки его актуальных социальных ролей» [34].

Метафора «игры» высвечивает элемент взаимодействия, равной вовлеченности в политические процессы и подчиненность общим правилам, поскольку заимствована из сферы-источника социальной активности, где ее прямым значением является «вид непродуктивной деятельности», подчиненный определенным правилам, «где мотив лежит в самом процессе, а не в результате» [33].

Если подчеркивается значимость игроков в мире, то аргумент призван сохранить фокус на важности и масштабности экономического события, на участии в «игре» тех стран, которые решают, как мировая экономика будет развиваться дальше. Говоря об этом на ПМЭФ в 2019 г., В. В. Путин подчеркивает особый статус подобных встреч и уровень ответственности в них.

Видение политических процессов как игры не только делает их понятными, но и рождает интерес к ним, и даже некий азарт, удерживая слушателя вовлеченным.

«Увеличение доли американской нефти на глобальном рынке зачастую достигается не столько экономическими, сколько политическими методами – **вытеснением ключевых игроков** и навязыванием своей продукции», – заявил И. И. Сечин – главный исполнительный директор нефтегазовой компании ПАО «НК «Роснефть»» [58].

Метафора про вытеснение ключевых игроков служит принципу доступности, а также выполняет функцию аргумента к морально-этическим нормам и формирует отношение к невежливому конкуренту. Подобный метафорический аргумент акцентирует внимание на доминирующей роли США, на отрицательном влиянии ее экономических шагов на российский рынок и преподносит Америку в образе обидчика, стремящегося к монополии в нефтяном секторе.

Как и для всякой игры, для политики предусмотрены правила, и их несоблюдение или несогласованное внесение изменений в них может стать яблоком раздора для участников этого всемирно значимого действия:

«Мы добиваемся одного: мы добиваемся того, чтобы были возвращены или разработаны **новые правила игры** и в сфере безопасности, и в сфере экономической мировой политики с помощью международных институтов, которые уже созданы и которые, безусловно, нужно развивать», – говорит российский президент [30].

Данная метафора является аргументом, обосновывающим действия российского правительства на пути к созданию и стандартизации международных правил, соответствующих принципам справедливости и равенства. Оборот переносит в сферу-мишень необходимость в общепринятых нормах, регулирующих политические шаги, как и всякую игру.

Эта же метафора актуализируется Д. Трампом в его выступлении на встрече с лидерами инженерно-технической промышленности в феврале 2017 г.:

“We’ve issued a **game-changing new rule** that says for each one new regulation, two old regulations must be eliminated” [64]. / Мы издали принципиально новое правило, которое гласит, что на смену каждому новому законоположению два старых должны быть отменены. Изначально оборот *game-changing* касался игры, но позже закрепился в словарях как “completely changing the way that something is done, thought about, or made” [54], в русском переводе «**меняющий игру**» как «уникальный в своем роде, в корне меняющий положение дел» [55]. Подобный метафорический аргумент на когнитивном уровне внушает веру в радикальность изменений и их благотворное влияние на весь процесс политической игры, регулирующей жизнь общества.

С вступлением в цифровую эпоху традиции метафорической аргументации в политическом дискурсе приобретают новую почву для воздействия: аргументы, актуализированные через понятия игры, будут иметь большее влияние на систему взглядов и ценностных ориентиров аудитории в силу всеобщей доступности игровых технологий.

Рассмотрим еще один пример из сферы-источника «спорт», описывающий в виде целой метафорической модели ситуацию с применением «санкционной дубинки» в отношении России и некоторых других стран:

«Дело в том, что складывается ситуация в мире такая, что как бы **все играют в футбол**, но при этом применяют **правила борьбы дзюдо**. Вот какая интересная **игра** получается: это совсем **и не футбол, и не дзюдо**, это просто **хаос**. Вот мы куда движемся и что нас беспокоит» [30].

Так осмысливается в понятиях игры неправомерность санкционных мер по отношению к России президентом В. В. Путиным во время выступления на петербургской экономической площадке в 2018 г. Подобная аналогия создает когнитивный диссонанс, логическое противоречие, так как в сфере-источнике нарушение правил является неприемлемым и наказывается в соответствии с регламентом.

Проецирование метафор из фрейма «спорт» на область политических отношений детерминировано особенностями логики мышления и ментальной организации человека. Отвечая на вопрос американской журналистки Меган Келли о взаимодействии между представителями России и командой президента Д. Трампа до инаугурации, российский президент заявил:

«Никаких договорённостей не было, **даже к снаряду не подошли**, даже не успели начать никакие переговоры», «нам лучше не строить таких предположений и **не перетягивать там канат**, а лучше объединять усилия против реальных угроз, реальных» [29].

Перетягивание каната – это «вид спорта, в котором две команды путём физического напряжения и определённой тактики действий перемещают друг друга до победной отметки» [45]. Опираясь на основу понятийной системы человека, президент с помощью такой интерпретации действительности аргументирует бессмысленность завязавшегося спора и перемещает внимание аудитории на более насущные вопросы.

Спортивные метафоры с одинаковым успехом функционируют как в российском, так и в американском политическом дискурсе. Например, Д. Трамп во время выступления процитировал слова конгрессмена Э. Грина, первым заявившего о необходимости начать импичмент президента: “As congressman Green said, ‘We got to **beat** him by impeachment because we can’t **beat** him by the election’. And I hope that’s true, because honestly, they can’t **beat** me in the election” [65]. / Как сказал конгрессмен Грин: «Мы должны одержать над ним победу через импичмент, потому что мы не можем одержать над ним победу на выборах». И я надеюсь, это правда, потому что, если честно, они не смогут обойти меня на выборах.

Тот же “beat”, звучит в ответе Трампа о Грете Тунберг:

“She **beat** me **out** on the Time Magazine” [61]. / Она вытеснила меня из журнала Time.

Глагол “beat”, помимо основного значения “to hit repeatedly” – «избивать», со временем приобрел метафорическое – “to come out better in a competition, race, or conflict” [63] – «оказаться лучшим в соревновании или конфликте». Метафора перешла из сферы-источника «спорт» в сферу-мишень «политика» и служит аргументом к посылке «достичь превосходства».

Ситуативная обусловленность задает вектор метафорической аргументации: если в первом случае “beat” звучит жестко и демонстрирует устойчивость политической мощи президента, то во втором случае Д. Трамп признает «поражение» и подыгрывает девочке-подростку, обратившей внимание всего мира на проблему изменения климата. Это даже характеризует президента как великодушного лидера, внимательного и снисходительного к детским капризам.

Метафора, как интеллектуальная деятельность, не только создает параллельные ассоциации, но и моделирует процессы в ментальном пространстве. Сложно, услышав метафору, «удержать» сознание от дальнейшего построения догадок и предположений. Мысли строятся по модели кросс-активации и даже напоминают процесс синестезии, феномена восприятия, при котором раздражение в одной сенсорной или когнитивной системе, наряду со специфическими для него ощущениями, ведёт к автоматическому, непроизвольному отклику в другой сенсорной системе. На когнитивном уровне продолжается надстройка образов и формируется отношение как к субъекту, запустившему этот механизм метафорической мысли, так и к созданным в результате образам, что впоследствии влияет на принятие решений. На подобном приеме основаны манипулятивные техники, наиболее известные нам из рекламы.

Фрейм «пропасть», «полярность»

Примечательной оказалась еще одна метафора в речи российского президента, касающаяся проблем глобального материального неравенства:

«Ну а это, как мы хорошо понимаем, и есть главный источник нестабильности. И дело не только в уровне доходов, в материальном неравенстве, а в принципиальной разнице возможностей для людей. По сути, формируется или происходит попытка **формировать два мира**, и между ними **пропасть** постоянно **растёт**. Когда у одних есть доступ к самым передовым системам образования, здравоохранения, к современным технологиям, у других же нет перспектив, шансов **вырваться даже из нищеты**, а кто-то и вовсе **балансирует на грани выживания**», – отметил В. Путин [31].

Двумя мирами здесь предстают люди с достатком и неимущие, разделенные пропастью – «крутым и глубоким обрывом, бездной» [46]. В переносном смысле употребляется, чтобы показать большое различие, отделяющее одно от другого, глубокое расхождение. Такая образная иллюстрация сложившейся в стране ситуации имеет целью не только обеспечить доступность информации, но и найти поддержку народа на пути к предпринимаемым мерам. Метафорические модели являются аргументами к оправданности и своевременности политических и экономических мер. Преодоление барьеров предусматривает возможность почувствовать себя на надежной почве, уйти от «балансирования», которое ассоциируется в мышлении с шаткостью, неустойчивостью, а также опасностью болезненного падения, особенно если до этого мы мысленно нарисовали «пропасть».

Тактика решения аналогичных проблем в США сложилась в иную метафорическую картину в высказывании американского финансиста Рея Далио, «Стива Джобса в сфере инвестирования»:

“So the big thing is that we have a very big asymmetric risk. If the economy turns down, and we are late in the cycle so a downturn will come, there is a lack of ability by central banks to be able to be stimulative and to reverse that. And that’s happening at a time where there’s great **wealth polarity**. So if the left and the right, if the capitalists and the socialists or **the rich and the poor are at each other’s throats at this time**, and this is when times are good, imagine what it’s going to be like when we have a downturn, and there’s an inability of central banks to respond

to that” [62]. / Все дело в том, что мы в ситуации крупного асимметричного риска. Если экономика будет идти на спад, и мы будем отставать, то кризис наступит, и центральные банки будут не в состоянии стимулировать экономику и повернуть ситуацию вспять. И это происходит на фоне колоссального уровня неравенства материального достатка людей. Если левые и правые, капиталисты и социалисты, богатые и бедные **готовы вцепиться друг другу в глотки** сейчас, в относительно благополучные времена, представьте, что будет, если наступит глобальный спад, и центральные банки не смогут что-либо этому противопоставить.

Слову “polarity”, являющемуся исходной точкой всей метафорической модели, наряду со значением из области физики, в словаре дается определение “the presence or manifestation of two opposite or contrasting principles or tendencies” [52] – наличие или проявление двух противоположных принципов или свойств. В данном контексте словосочетание “wealth polarity” указывает на большой разрыв в благосостоянии социальных классов.

Выражение “to be at each other’s throats” имеет значение “to be angrily fighting or arguing with each other” [44] – жестоко драться, гневно спорить друг с другом. В словаре английских идиом отмечается, что этимология идиомы “at each other’s throats” восходит к XVI веку и отождествляется с картиной, где два соперника пытаются задушить друг друга [43].

На русский язык “to be at each other’s throats” чаще всего переводится как «перегрызть друг другу горло», «вцепиться друг другу в глотку», что незначительно меняет исходный образ, а следовательно, степень воздействия этой метафоры может отличаться в двух языковых культурах. Во фразеологическом словаре русского языка указывается, что метафора «перегрызть друг другу горло» является зооморфной и уподобляет действия человека поведению хищника, поскольку в основе ее лежит «наблюдение за хищными животными, которые убивают свою жертву, перегрызая ей горло» [32].

В обоих языках основой метафоры служит то, что горло является функционально значимым, жизненно важным органом тела, поэтому угроза горлу приравнивается к угрозе жизни. С помощью такого метафорического аргумента говорящий акцентирует внимание на опасности создавшейся ситуации.

В своем интервью Рей Далио продолжил: “*The world is awash in liquidity, but it doesn’t resolve the wealth gap*” [62]. / Мир наводнен ликвидностью, но это не устраняет разрыв в уровне благосостояния.

Первоначальное значение слова “gap” закреплено в словарях как “an empty space or opening in the middle of something or between two things” [39] – пустое пространство, отверстие в чем-либо или между двумя объектами. Однако в переносном смысле “gap” обозначает различие или несоответствие в отношении, восприятии, характере, развитии, нехватку доверия или понимания, что рассматривается как причина возникновения проблем – “a difference or disparity in attitudes, perceptions, character, or development, or a lack of confidence or understanding, perceived as creating a problem” [52].

Приведенные примеры отражают принципы сходства во взаимодействии языка и мышления обеих языковых культур, равно как и параллелизм схем аналогической аргументации. Как в российском, так и в американском политическом дискурсе социальное неравенство осмысливается в схожих понятиях «полярности», «пропасти», «разделенности». На основе подобных схем строится специфика речевого воздействия, а также риторика как искусство убеждающей речи. С целью реализации когнитивных установок происходит кодирование сообщения адресантом и декодирование адресатом – и тот и другой механизм зависит от личностного, ситуативного и социокультурного факторов. Мыслительные процессы формируются путем проецирования схем-образов, приобретенных в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром, на действительность. Метафоры не выражают коммуникативное намерение автора эксплицитно, но проникают в сознание на основе фреймового знания, эффективно выполняя свою аргументативную функцию в тексте, раскрывают когнитивную основу метафорического потенциала и отражают процессы ассоциативного мышления.

Фрейм «дорожное движение»

Излюбленной в речи российского президента является метафорическая модель «дорожного движения». Для аргументации возможности взаимовыгодного сотрудничества президент описывает поиск решений на пути к экономическому взаимодействию в понятиях дорожного движения:

«Вы знаете, **мир** вообще всегда и в наше время **соткан из противоречий**. Наша задача – и моя, и Председателя Си Цзиньпина, и Премьер-министра Моди – заключается в том, чтобы, несмотря на все эти противоречия, **заходить не в тупики, а искать улицы, причём улицы с двусторонним движением**», – заявил президент В. В. Путин на ПМЭФ 2017 г. [29].

«И сейчас ведь Президент Соединённых Штатов **не закрывает ворота и дверь** для переговоров. Он говорит о том, что его не устраивает там очень многое. Но в принципе он не исключает договорённости с Ираном. Но это может быть **дорога только с двусторонним движением**. Поэтому не нужно здесь излишне нагнетать ситуацию, если мы хотим что-то сохранить, а нужно **двери оставлять открытыми** для переговорного процесса и для конечного результата. Мне кажется, что не всё ещё потеряно» [30].

«Основываясь на этих ценностях и принципах, мировая экономика, несмотря на известные проблемы, сумела добиться впечатляющих результатов, **вывести на траекторию развития** подавляющее большинство участников международной жизни, большинство стран», – говорит российский президент на этой же встрече [Там же].

Для правильного и продуктивного движения к общей цели правительства стран намечают «дорожную карту»:

«Сейчас мы двигаемся, по сути, процесс продвигается по той **дорожной карте**, которая была сформулирована Россией и Китаем» [31].

«Дорожная карта» зафиксирована в словаре как «атлас различных типов дорог, соединяющих устойчивые контрольные пункты – географические, административные и т.д.» [38]. В политическом тексте употребляется в метафорическом смысле для обозначения плана мероприятий для достижения какой-либо цели с указанием основных этапов и сроков реализации стратегии.

«Траектория» заимствована из той же сферы-источника и в исходном значении является «линией, которую описывает в пространстве какая-л. движущаяся точка или тело» [42]. В переносном смысле подразумевает путь следования predetermined плану, который разрабатывается на высоком политическом уровне.

Словосочетание «двустороннее движение» как «движение, осуществляемое не менее чем двумя телами, в противоположные стороны» [37] в переложении на политический дискурс предполагает взаимодействие на пути к эффективному международному сотрудничеству, так актуальному в эпоху глобализации.

Что же касается метафоры «открытых дверей», то она универсальна в обоих дискурсах, как в российском, так и в американском, чего нельзя сказать о метафорах «дорожного движения», более свойственных российскому политическому дискурсу.

Фрейм «религия»

Гораздо большей частотностью, нежели метафора дорожного движения, в американском политическом дискурсе пользуется религиозная метафора. В конце своей речи президент страны традиционно обращается к слушателям с благословением “God bless America”, “God bless you all”, “God bless the nations of the world” – это говорит об особой роли религиозных убеждений у жителей США, тогда как в России не принято говорить об этом в общественных кругах. К примеру, на международном экономическом форуме в Давосе президент Д. Трамп, вспоминая об истории телефонного разговора с представителями Украины, которая имела широкий резонанс, так охарактеризовал действия демократической партии США:

“When we released the conversation, all **hell broke out** with the Democrats” [57]. / Когда мы опубликовали этот разговор, начался полный хаос с демократами.

Первое упоминание в английском языке слова *hell* из сферы-донора «религия» датируется примерно 725 годом и зафиксировано в словарях как “an afterlife location in which evil souls are subjected to punitive suffering, often torture, as eternal punishment after death” [41] – «место, где души грешников после смерти предаются вечным мукам и страданиям в качестве наказания».

Само выражение *to have hell break loose* (также *break out* в современном варианте) восходит к XVI веку и в словаре идиом толкуется следующим образом: “a situation becomes uncontrolled and noisy, often with a lot of arguing or fighting” [44]. В русском языке эта идиома имеет эквивалент «весь ад вырвался наружу» и употребляется в том случае, если ситуация становится неконтролируемой, зачастую сопровождается спором и дракой.

Осмысленные через понятие ада неприятности, доставленные демократической партией, высвечивают крайне негативную сторону разбирательств и моделируют отрицательный образ демократов на когнитивном уровне. Такая метафора служит веским аргументом к дискредитации оппонента и осуждению его действий и имеет целью настроить слушателя на неприязнь к причине беспокойств, а также содержит призыв к эмпатии, поддержке и оправданию «пострадавшей» стороны.

К этому же ряду религиозных метафор можно причислить и высказывание Д. Трампа об убитом афроамериканце Джордже Флойде: “Hopefully George is **looking down** (from Heaven) and **saying** there’s a great thing here that’s happening for our country. It’s a great day for him, it’s a great day for everybody. It’s a great day for equality” [50]. / Я надеюсь, Джордж смотрит на нас сверху и говорит: «Какие великие события происходят в стране!». Это великий день для него, это великий день для всех! Это великий день для равенства!

Аргумент в виде метафоры *look down* повышает восприимчивость слушателя путем олицетворения души умершего, предположением о его умиротворении в иллюзорном пространстве в ответ на принятые в реальном мире меры. Для подсознания это мощная подпитка, которая затрагивает глубокий эмоциональный уровень и влияет на принятие решений. Такой стиль общения формирует самобытное восприятие личности Д. Трампа – вызывающий доверие, «свой» человек, «от народа», и именно такой образ руководит гражданами как при выборе кандидата на пост президента в своей стране, так и при поддержке главенствующей партии.

Если говорить о библейских сюжетах в аргументации, то вспоминается и метафора, приведенная американским консервативным Патриком Бьюкененом о том, какой должна быть политика США после выхода из кризиса 2020 года. Сославшись на название классической работы историка Волтера Макдугалла, он сказал: “America’s future is as **a promised land, not a crusader state**” [60]. / Будущее Америки – это «**земля обетованная**, а не страна **крестовых походов**».

The Promised Land – земля, обещанная Богом Аврааму и его потомкам, куда по библейскому сказанию Бог привел евреев, выводя их из египетского плена (Палестина). В метафорическом смысле употребляется как благодатный край, куда кто-либо мечтает попасть, место, где мечты и надежды могут сбыться. Этому месту противопоставляется “*a crusader state*”. В исходном значении *Crusader states* подразумевает государства, созданные во время крестовых походов на Ближнем Востоке и на территории христианской Византийской империи. Метафорически применяется для обозначения территории, обреченной на безуспешность построения целостного государства, раздираемой захватническими войнами и беспорядками, инициированными фанатичными радикалистами.

Такие яркие аналогии являются действенным аргументом к убеждению слушателя в счастливом будущем страны, к укреплению веры в ту самую «американскую мечту». Положительный и даже желанный образ из библейского мотива переносит свои качества на Америку, обещающую стать мирной процветающей страной, живущей в изобилии и достатке и не подверженной посягательству международной политики.

С одной стороны, такие метафоры рождаются в речи ввиду их близости для сознания: если люди воспитывались в определенной среде, то естественно, что их речь наследует культуру. Этим объясняется причина проникновения в политический дискурс метафор, отражающих национально-специфические реалии. Но, с другой стороны, зная прагма-когнитивный механизм работы таких единиц речи и учитывая легкость их восприятия, основанную на доверии, политики намеренно пытаются имплицитно воздействовать на сознание и проводить идеи в жизнь.

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводам о том, что политическая коммуникация – это стратегический процесс, нацеленный на достижение власти и влияния, на управление социальным сознанием. Аргументация является неотъемлемой частью этого процесса и сопровождает политический дискурс на всех его этапах, поскольку основная коммуникативно-прагматическая цель аргументации – убедить слушателя в истинности того или иного суждения и обеспечить воздействие путем реализации авторской интенции. Для построения доказательного и убедительного текста политики, помимо логических аргументов, основанных на фактах действительности, привлекают и иррациональные, эмотивные аргументы, имеющие когнитивно-прагматическую основу. Помимо рациональных аргументов, авторы привлекают и иррациональные, эмотивные аргументы через апелляцию к базовым концептам, составляющим основу понятийной системы человека и морально-нравственных устоев общества. В свою очередь, эти концепты нашли отражение в языке в тропеической форме, и наибольшего внимания заслуживает метафора как способ творческого постижения мира, моделирующий ментальное пространство индивидуума. Метафора устанавливает смысловую связь по сходству и переносит значение со сферы-источника на сферу-мишень, высвечивая одни свойства и затемняя другие. В силу аналоговой природы человеческого мышления метафорические аргументы выстраиваются в виде схем-образов и активизируют в сознании целую сеть уже имеющихся образов, что запускает процесс трансформации восприятия. Метафоры структурируют наше мышление, переводя абстрактный образ в образ мыслительный и тем самым детерминируя последующие действия.

Иррациональная когнитивно-прагматическая основа метафоры заключается в том, что политик, создавая образ обидчика, который «бесцеремонно выгнал» конкурента с глобального рынка, использует заведомо заложенную негативную оценочную реакцию на действия обидчика и формирует у слушателя соответствующее отношение. Метафора демонстрирует убеждения автора и его позицию по отношению к сфере-мишени (“we can’t allow China to rape our country”).

С помощью метафоры политики тактично указывают на нарушение законов справедливости и общепринятых мер («играть в футбол, применяя правила борьбы дзюдо»); находят оправдание и выигрывают время, разъясняя сложные экономические процессы («механизм дает сбой», «двигатель проходит отладку»). Открытость и стремление к созданию интегрированной экономики актуализируются в понятиях, предусматривающих готовность к сотрудничеству и слаженному спланированному взаимодействию («открытые двери», «дороги с двусторонним движением», «траектория развития» участников международной жизни). Ментальный феномен метафоры предстает основной речевоздействующей силой аргументативной модели, функционирующей на основе устойчивых позитивных или негативных ассоциаций, и оказывается проводником имплицитно выраженной авторской интенции в сознание адресата.

Прагматическая основа метафор проявляется и в длительности функционирования образов в политической речи. Воздействие метафорического аргумента не прекращается на этапе произнесения: чем ярче метафоры, тем они активнее подхватываются средствами массовой информации, выводятся в заголовки и распространяются на протяжении долгого времени, закрепляя результат воздействия за счет частотности употребления. Так, метафора Х. Клинтон «перезагрузка», символизировавшая новый этап российско-американских отношений, уже больше десятилетия бытует в публицистических статьях, являясь аргументом к значимости изменения стратегий международных политических взаимоотношений.

Выбор средств метафорической аргументации определяется не только характером проблем в конкретной сфере, но и национально-культурной принадлежностью оратора, его лингвокогнитивным портретом, а также аудиторией, поскольку метафоры, специфичные для одной национально-культурной общности, могут быть недостаточно понятными для специфики речевого поведения другой общности.

Лингвокультурный анализ метафорической аргументации российского и американского политического дискурсов позволил сделать вывод о том, что в выступлениях на международном уровне политики стремятся к употреблению метафор, универсальных для разных культур и менталитетов, поскольку приходится соблюдать правила кросс-культурной коммуникации и нормы толерантности. Наиболее часто на таких встречах звучат аргументы, основанные на общечеловеческих законах морали и нравственности, на метафорических бинарных оппозициях, противопоставляющих ценность и антиценность и опирающихся на социальные модели, которые легко вписываются в систему взглядов любого общества (добро – зло, справедливость – несправедливость и т.п.). И в российском, и в американском дискурсе экономические и политические процессы актуализируются в понятиях из сфер-источников «спорт», «игра», «инженерия», «природа», «продукт человеческой

деятельности», «предметы быта» и т.д. («игра», «игроки», «правила ведения игры», «двигатель», «драйвер», «пропасть», “game-changing rule”, “vehicle”, “gap”, “the basket of deplorables”).

Иной оттенок аргументация приобретает в выступлениях политиков перед согражданами в своей стране. Резко возрастает частотность метафор с национально-культурной спецификой, которые отражают жизненный опыт данного сообщества. Примером тому является частое обращение американских политиков к метафорам из сферы-источника «религия», употребление которых более характерно для американской культуры, нежели для российской (“America’s future is as a promised land, not a crusader state”, “the hell broke out”).

Исследование показало, что имплицитное влияние речевых средств (метафорических аргументов) на ментальные установки человека оказывается средством достижения коммуникативно-прагматической цели политического дискурса, ориентированного на переконцептуализацию картины мира слушателя.

Междисциплинарный дух данного исследования имеет целью расширить взгляд на языкознание и уйти от его автономности. Дальнейшее изучение аргументативного дискурса в аналогичном ключе предполагает развитие знаний о когнитивных основах аргументации и ментальных процессах метафоризации сознания.

Список источников

1. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М.: МГУ, 1991. 150 с.
2. Алексеев А. П. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 328 с.
3. Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика. М. - Воронеж: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та; МОДЭК, 2004. 393 с.
4. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1990. 48 с.
5. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза: теоретические основания и практика: уч. пособие. Изд-е 6-е. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. 592 с.
6. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
7. Брутян Г. А. Очерк теории аргументации. Ереван: АН Армении, 1992. 299 с.
8. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 37-48.
9. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
10. Гаджиев К. С. Политическая наука. М.: Сорос. Международные отношения, 1994. 400 с.
11. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
12. Грицкова А. В. Аргументативный дискурс в свете диктежной теории строя текста (на материале современного английского языка): дисс. ... к. филол. н. Самара, 2002. 180 с.
13. Еемеерен Ф. Х. ван, Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 237 с.
14. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дисс. ... д. филол. н. М., 2004. 358 с.
15. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.
16. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126-139.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
18. Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации: дисс. ... д. филол. н. СПб., 2015. 296 с.
19. Правикова Л. В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2004. 164 с.
20. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
21. Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): дисс. ... к. филол. н. М., 2001. 254 с.
22. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.
23. Чудинов А. П. Финансовая метафора в современной политической речи // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. 2001. № 7. С. 15-23.
24. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 37-49.
25. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.
26. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/lexis/1691> (дата обращения: 01.05.2020).
27. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice [Электронный ресурс]. URL: <https://voidnetwork.gr/wp-content/uploads/2016/10/Analysing-political-discourse-Theory-and-Practice-by-Paul-Chilton.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).
28. <http://endic.ru/efremova/Vytalkivat-14610.html> (дата обращения: 01.05.2020).
29. <http://kremlin.ru/events/president/news/54667> (дата обращения: 20.04.2020).
30. <http://kremlin.ru/events/president/news/57556> (дата обращения: 20.04.2020).
31. <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (дата обращения: 20.04.2020).

32. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/373/peregryzt-glotku.htm> (дата обращения: 25.07.2020).
33. http://www.endic.ru/enc_sovet/Igra-59712.html (дата обращения: 02.06.2020).
34. <http://www.endic.ru/postmodern/Igra-123.html> (дата обращения: 20.04.2020).
35. <http://www.philosophydic.ru/argumentaciya> (дата обращения: 15.05.2020).
36. <https://abcnews.go.com/Politics/president-trump-administration-running-fine-tuned-machine/story?id=45540067> (дата обращения: 06.05.2020).
37. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/633490/Двустороннее> (дата обращения: 17.07.2020).
38. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/636245> (дата обращения: 17.07.2020).
39. <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 01.05.2020).
40. <https://edition.cnn.com/2016/05/01/politics/donald-trump-china-rape/index.html> (дата обращения: 05.05.2020).
41. <https://en.wikipedia.org/wiki/Hell> (дата обращения: 20.07.2020).
42. <https://gufo.me/dict/mas/траектория> (дата обращения: 17.07.2020).
43. <https://idiomorigins.org/origin/at-each-others-throats> (дата обращения: 25.07.2020).
44. <https://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 20.07.2020).
45. https://ru.wikipedia.org/wiki/https://ru.wikipedia.org/wiki/Перетягивание_каната (дата обращения: 15.07.2020).
46. <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 20.04.2020).
47. <https://www.arieverhagen.nl/cms/files/George-Lakoff-1991-Metaphor-and-War.pdf> (дата обращения: 17.05.2020).
48. <https://www.bbc.com/news/av/election-us-2016-37329812/clinton-half-of-trump-supporters-basket-of-deplorables> (дата обращения: 24.03.2020).
49. <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-42493918> (дата обращения: 01.05.2020).
50. <https://www.businessinsider.com/trump-hopes-george-floyd-is-looking-down-and-admiring-us-economy-2020-6> (дата обращения: 25.06.2020).
51. <https://www.cnn.com/2019/08/16/cnn-transcript-ray-dalio-founder-bridgewater-associates.html> (дата обращения: 06.05.2020).
52. <https://www.dictionary.com> (дата обращения: 17.05.2020).
53. <https://www.firstpost.com/world/its-time-to-shake-the-rust-off-americas-foreign-policy-says-trump-2754052.html> (дата обращения: 02.05.2020).
54. <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/game-changing> (дата обращения: 15.07.2020).
55. <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=game-changing&langlist=2> (дата обращения: 15.07.2020).
56. <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-davos-world-economic-forum-transcript-trump-holds-news-conference-in-davos> (дата обращения: 03.05.2020).
57. <https://www.rollingstone.com/politics/politics-news/trump-impeachment-evidence-we-have-all-the-material-they-dont-941140/> (дата обращения: 15.04.2020).
58. <https://www.rosneft.ru/press/news/item/197715/> (дата обращения: 06.05.2020).
59. <https://www.russiamatters.org/analysis/trump-russia-his-own-words> (дата обращения: 14.04.2020).
60. <https://www.theamericanconservative.com/buchanan/what-will-be-americas-mission-in-the-world/> (дата обращения: 15.05.2020).
61. <https://www.theguardian.com/business/video/2020/jan/22/donald-trump-on-greta-thunberg-she-beat-me-out-on-time-magazine-video> (дата обращения: 15.03.2020).
62. <https://www.thewealthadvisor.com/article/ray-dalio-expect-more-fed-rate-cuts-amid-global-slowdown> (дата обращения: 27.03.2020).
63. <https://www.vocabulary.com/dictionary/beat> (дата обращения: 16.07.2020).
64. <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-press-conference/> (дата обращения: 25.03.2020).
65. <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-press-conference-davos-switzerland/> (дата обращения: 15.03.2020).

Информация об авторах | Author information



Нартикова Зарина Александровна¹

¹ Пятигорский государственный университет



Nartikova Zarina Alexandrovna¹

¹ Pyatigorsk State University

¹ zarinanartikova@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.08.2020; опубликовано (published): 10.02.2021.

Ключевые слова (keywords): аргументация; метафора; когнитивная лингвистика; политический дискурс; лингво-когнитивный подход; argumentation; metaphor; cognitive linguistics; political discourse; linguo-cognitive approach.